

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ЭКСТРИМ | Лидия Разумова не любила мелькать перед глазами начальников, а зарабатывала себе имя упорным трудом

Журналистская братия, начинавшая творческую карьеру ещё в годы социализма, знала Лидию Владимировну Разумову. 40-летний стаж в СМИ сделал её «многостаночницей». Она знала телевизионную кухню, почти двадцать лет отработала на радио. Выйдя на пенсию, работала для местной прессы. Ещё ухитрялась быть активной общественницей и обласкивать бездомных зверушек.

Освежая события и проблемы дня текущего, журналисты редко становятся героями публикаций. Несколько лет назад Лидия Владимировна вспомнила журналистский экстрим советской поры, когда вся страна просыпалась под звуки гимна в радиозфире. И коллеги, и молодая смена помнят, что рассказчицей она была отменной...

— На радио пришла в июле 1968 года. До того работала начальником производственного отдела на телевидении. Юрий Иванович Скарлыгин, тогдашний председатель телестудии, видел как я маюсь на нетворческой должности. Когда Слава Рухмалёв ушел в армию, Скарлыгин взял меня на его место — редактором радио. Как потом оказалось, я стала первой женщиной-радиоредактором.

Сейчас журналист в тепличных условиях, на него работают технические службы, в мою бытность вся дозфирная обработка материала входила в обязанности редактора: и записывать, и монтировать, и озвучивать надо было самому. Приходилось знать и правила технической эксплуатации, и технику безопасности.

Здание радио располагалось там же, где и сейчас, на проспекте Карла Маркса. Но уже тогда было ясно, как мешают работе аппаратных уличные шумы. Лишь десятилетия спустя окна студии заложили.

Поначалу, не зная всех тонкостей техники, привозила брак. Только со временем стала учитывать все мелочи: лишний раз проверять батареи в «Репортере», закрывать все форточки, выключать гудящие лампы дневного света. Надо было слышать и тут же устранять все посторонние шумы: чтобы двери не хлопали, стулья и ботинки — не скрипели. И всё равно без накладок не обошлось. Помню, у секретаря горкома Федосеева была привычка — во время публичного выступления перебирать в кармане ключи. Не подойдешь и не скажешь: «Уважаемый, не бренькайте ключами!» Или взять моего дружка Валентина Ходырева. Пристроившись со мной в первом ряду, он имел обыкновенные подпевать государственному гимну. Запись испорчена, а он умирает со смеху.

Основное время работы на радио провела за сценой. С первых рядов речь не запишешь — кабель короткий, рядом с трибуной тоже не встанешь. Вот и приходилось за занавесом томиться. Хорошо, если ещё оратор оказывался «без вредных привычек». Но были и такие, кто имел обыкновение в такт словам трибуну раскачивать. Наблюдаешь за своим микрофоном на треноге и гадаешь, устоит, не устоит, успеешь поймать или вредебзги разобьется.

Помимо нервных издержек, работа радиожурналиста была ещё очень тяжела физически. «Репортер» весил восемь килограммов — ведро картошки. Приходилось в новый цех на калибровку. Нужен мастер цеха

«Лакированный туфель»

Сидоров. Мне показывают в конце цеха — вон он, ловите. Пока измеришь 980 цеховых метров на каблуках, журналистский-то форс надо было держать, Сидоров уже в конторе на высоте пятого этажа. Лезешь за ним, и «Репортер» весит не одно, а уже три ведра картошки. А сколько пришлось поблудить по комбинату!

— В нынешнее гласное время многие рта не откроют, увидев диктофон в руках журналиста. Как вам удавалось раскручивать героев в подцензурные годы?

— Заметив робость человека, прежде всего настраивала героя: не думай о том, как скажешь, думай что скажешь. Работает он хорошо, а как рассказать — не представляет. Вот и начинаешь выстраивать его речь. Не сразу, но всё же записываешь. Адский труд, скажу я вам. Возвращаешься в редакцию как выжатый лимон.

— Что было главным в радиожурналистике тех лет?

— Оперативность информации. Радионовости обязаны были выходить со словом «сегодня». Это прекрасно понимал наш руководитель — ответственный редактор Леонид Яковлевич Бинеман. Внешне немного несуразный, но очень образованный и интеллигентный человек. Для него было делом чести рассказать о знаменательном событии в день его свершения. Завтра о нём расскажут газеты, а радиовыпуск обязан начинаться со словом «сегодня». Ради этого даже новостное время сдвигал. И ведь успевали. Со съёмочной группой добиралась до места. Многотысячный митинг, весь транспорт стоит. Телевизионщики ещё снимают, а я с готовой записью на перекладных в редакцию. Леонид Яковлевич нервничает, курит, по газону круги нарезает. Выпуск готов. Ждут только мои звуковые кусочки.

Многостаночность была нормой. Некому работать на телевидении — на недельку-другую закинут в новости. Нет звукооператоров на радио — меня с редактором засылают на колхозное поле, где дети собирают огурцы. И никаких возражений.

В наше время радио имело жёсткие жанровые рамки, рубрики. Обязательно «Последние известия», «Выступление у микрофона», репортаж, оперативные сводки, объявления. Новостной выпуск — это шесть минут последних известий: двенадцать информации по тридцать секунд. А ещё и в область ежедневно две-три информации надо было передать. Плёнку доставляли к вечернему поезду. Первым делом — это областное радио.

— А предварительно «литу» на вычитку отнести...

— Он тогда назывался редактором по охране государственных тайн в печати. Цензор мои материалы никогда не правил. Мы знали, о чём не следует болтать. Например, авиаотряд, который в считанные минуты мог стать военным подразделением. Зачем называть местонахождение газоконденсаторных станций и распространяться, что дорога с бетонным покрытием может стать взлетно-посадочной полосой? Эти сведения если и не были государственной тайной, то влияли на государственную безопасность.

На прошлой неделе мы проводили в последний путь нашу коллегу Лидию Разумову, талантливого журналиста и удивительного человека. В память о ней сегодня мы публикуем интервью, которое десять лет назад брала у Лидии Владимировны Ирина Коротких, работавшая тогда в региональной редакции «Московского комсомольца».

— А сейчас репортеры в прямом эфире на весь мир показывают, как группа «Альфа» начала секретную операцию по освобождению заложников...

— Единственное, о чём тогда журналисты обязаны были помнить: награждает Родина, а не партия. Помню, выступающая оговорилась, а я замолчала и не исправила. На следующий день Леонид Яковлевич кудахтаст минут сорок: «Как же можно? Как вы могли?» И добавил, если подобное повторится, то он меня просто не сможет защитить.

— Журналистский экстрим удаётся испытать?

— Постоянно в таких условиях работала. Стройка. Бригадир обычно на девятом этаже. Вместо лестниц — трапы. Попробуй отыщи его среди бесчисленных отсеков с электрическими кабелями, люлек с раствором, нависающих над головой. Однажды меня чуть в мартене не придавило, когда осаживали состав. До сих пор не знаю, как в цеховом шуме услышала мат, из которого поняла, где дверь... А еще один случай был на

строительстве стана «2500». Лазила по мостоподвалам и засмотрелась на сварку — ошущений для репортажа набиралась. И чувствую, кто-то меня в плечо толкнул. Поворачиваюсь — мама мия! Плывет на меня плита в полдома! Радиожурналистов тогда страховали на максимальную по тем временам сумму — тысячу двести рублей. Но получить ее можно было только в одном случае...

Были и курьёзы. На выпуск 200-миллионной тонны стали приехал в Магнитку Театр сатиры. Татьяна Пельцер, Андрей Миронов, Державин, Ширвиндт, Мишулин — весь актерский цвет. Официантки в театральном кафе падали вместе с тарелками. Не желая отставать от артистической элиты, напялила я новую, достанную по великому благу белую кофту, надела «вишневым лакированный туфель», наистро позабыв, что в цехе горячий пол. В довершение наложила на лицо тональный крем из Франции. Нарядилась как на выданье! После мартена весь тональный крем был на кофте! На вечерний концерт, который

вел Андрей Миронов, помятуя, что мой «лакированный туфель» крикнул и все «лицо» на кофте — не осталась.

— В запланированных политических мероприятиях тоже случались конфузы. Как в таких случаях четвертая власть подстраховывала партийцев?

— Открывали памятник Ленину на Комсомольской площади. Как и положено, скульптура под покрывалом. Два дня простыню караулили. Это не анекдот. Ткани не было, могли стянуть на бытовые нужды. В день открытия выстроили каре пионеров, всех соцгероев. Все как положено: речи, благодарности. Действо записали, отсняли. Зная, что Бинеман в ожидании отужил весь газон, кинулась было в редакцию. Но всех журналистов пригласили в партком и объяснили, что никакого-де открытия не было. В последние минуты оказалось, что памятник не был зарегистрирован как оригинальное художественное произведение, а если скульптура — копия, то её обязаны внести в какие-то реестры. Ни того, ни другого не сделали. Значит, и открытия не было. А что было? Нам партиец отвечает, что состоялся митинг, посвященный Великой Октябрьской. Звоним на областное радио Анатолию Ивановичу Дементьеву, очень грамотному журналисту. Тот советует голову ему не морочить и объясняет, что по случаю революции бывает только одна форма празднования — торжественное заседание и демонстрация трудящихся. Немая сцена. Информацию вообще сняли... Но это насколько не умаляло прелестей моей работы.

— Какое радио слушаете?

— Областное. Очень интересно работают. Официальную информацию подают без издёвок, давая человеку возможность самому осмыслить сказанное. Иногда слушаю «Восточный экспресс». А наши местные радиовещатели, похоже, вообще не знают о существовании радиожанров. Меня очень умиляет, когда ведущие говорят: «Наш следующий материал...» Это что — ткацкая фабрика? Скажите: выступление у микрофона, интервью, репортаж, отчет, радиозарисовка. Надо уметь работать в рамках жанра. Вот и выходит, что самое интересное на местном радио — сводка погоды да объявления об отключениях воды-газа-тепла.

Ведущие в эфире не могут просклонять числительные — не знают «подежов». Понимаю, нельзя быть абсолютно грамотным, но слушатель не должен ломать голову над смыслом сказанного. Создается такое впечатление, что все ведущие зомбированы коронной фразой: «...и много хорошей музыки».

Близко к радийным формам работают журналисты комбината: программы сделаны динамично, с точными звуковыми включениями. Один недостаток — сплошные фанфары. Сейчас радио остается для меня единственным источником информации. Конечно, тяжело слушать радиозфир, переполненный сообщениями о болезнях, убийствах, войнах, а уж в сопровождении видеоряда новости способны довести до инфаркта. Я понимаю тех людей, которые предпочитают радио ☺

Записала Ирина КОРОТКИХ

➤ Человек умирает, имя жить остается. Карельское изречение